

«Перестройка» и после

Заметки ленинградского физика

Первый звоночек будущей горбачевско-ельцинской гиперинфляции прозвучал для меня, сотрудника ленинградского Государственного института прикладной химии (ГИПХ), в январе 1987 года во время командировки в Новосибирск. Мой приятель Валерий, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института теоретической и прикладной механики Сибирского отделения Академии наук СССР, рассказал мне, что только что совместно с сотрудниками одного из московских НИИ начал работать по хоздоговору в рамках Движения научно-технического творчества молодежи над усовершенствованием нового «изделия». Позднее я понял, что это было, по сути, предварительное тестирование модели, оформленной специальным постановлением о Центрах научно-технического творчества молодежи (НТТМ), подписанным в марте того же 1987 года. За эту работу он и его коллеги должны были получать (дополнительно к окладу!) примерно по 300 рублей в месяц — большую по тем временам сумму!¹

С одной стороны, я порадовался за Валерия, а с другой — был в ужасе: если бы мой приятель работал, к примеру, над проблемой увеличения выпуска на существующем конвейере дефицитного в то время автомобиля «Жигули», то его премия могла бы быть выплачена из средств, полученных от продажи сверхплановых автомобилей. Получение же большой премии за усовершенствование «изделия» означало открытие краника между наличными и безналичными деньгами и приводило к росту инфляции, которая в год прихода Горбачева к власти была незначительна. Я хорошо понимал, что одной из основ плановой экономики является разграничение кругооборота наличных и безналичных денег, и в частности — планирование на год вперед фонда зарплаты в стране и объема товаров и цен

ЛАВРОВ Александр Васильевич — научный сотрудник Лиссабонского технологического университета (г. Лиссабон, Португалия), кандидат физико-математических наук.

Ключевые слова: «перестройка», советская экономика, советская наука, советская интеллигенция, распад СССР, крах советской экономики, уголовная преступность, Горбачев, Ельцин, Собчак.

¹ Для сравнения: в тот период оклад инженера составлял 140—239 рублей в месяц (средний уровень оплаты), доцента вуза — 300—350 рублей (высокий уровень оплаты), профессора — 400—450 рублей и т. п. Средняя же зарплата по стране в 1987 году, по официальным данным, составляла 214 рублей 40 копеек (см. об этом, например: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1987. — www.pfrf.ru/ot_sverdlov/all_pens/1614.html)

в розничной торговле. Ту большую зарплату, которую должен был получать Валерий и его коллеги, в то время в стране получали только научные сотрудники ВНИИ, расположенного в городе, который сейчас называется Саров. Эту зарплату им платили за особый характер работы и за жизнь в «закрытом» городе.

Следующий звоночек от реформаторства Горби прозвучал в конце марта 1987-го: опубликовали Закон об индивидуальной трудовой деятельности, согласно которому краник между наличными и безналичными деньгами фактически открывался уже для всех предприятий СССР. Было очевидно, что уровень инфляции по всей стране резко возрастет. Кроме того, «индивидуалы» могли теперь покупать дешевые комплектующие по регулируемым ценам в магазинах, а сделанные из них товары — продавать по свободным ценам. Было также очевидно, что вступление в действие закона приведет к резкой дифференциации доходов и как следствие — к росту преступности. Мне было странно: неужели Горби и К° всего этого не понимают? Последствия закона я наблюдал уже осенью: в электромагазинах Ленинграда исчезли многожильный провод и розетки, которые раскупили «индивидуалы», — но появились сделанные ими с использованием дешевых розеток и проводов очень дорогие удлинители («государственные» удлинители стоили дешево, но в продаже были не всегда). Понятно, что на удлинителях «наваривались» приличные суммы.

* * *

Осенью 1987 года в ГИПХ, где я проработал около 30 лет, прошло общее собрание руководителей отделов и научных групп. На собрании начальник отдела экономики химической промышленности рассказал о том, что вступление в действие с января 1988 года Закона о госпредприятии позволит за счет заключения новых хоздоговоров резко повысить премии (ранее на эти цели расходовалась только крайне небольшая часть суммы любого хоздоговора). После собрания я подошел к нему и спросил: «Не вызовет ли такой порядок выплаты премиальных резкий рост инфляции в СССР? Ведь количество товаров в розничной торговле не увеличится...» Он был очень возбужден и резко ответил, что у меня сталинские представления об экономике. Причины того, что докладчик был очень возбужден, мне стали ясны через полтора года, когда появились данные о зарплате в отделах ГИПХ за 1988 год. Его отдел был «чемпионом»: средняя зарплата за год повысилась в два раза.

Наум, мой товарищ по ГИПХ, в те годы жил на Заневском проспекте и регулярно ездил в институт в одном троллейбусе с заведующим лазерной лабораторией. Он рассказывал, что завлаб всегда имел с собой текст Закона о госпредприятии, внимательно его читал и что-то подчеркивал в тексте. Та лаборатория по росту зарплаты оказалась на втором месте. Наш отдел тоже вынужден был плясать под дудку Закона о госпредприятии, заключать много хоздоговоров, которые не были логическим продолжением работы отдела в рамках госзаказа — как это имело место раньше. К примеру, моя зарплата (включая квартальные премии, но без вычета подоходного налога) при окладе 300 рублей в месяц до апреля и 500 рублей между апрелем и декабрем 1991 года менялась примерно так (см. табл.):

Таблица

Год	1981–1987	1988	1989	1990	1991
Заработная плата в рублях	360	490	640	810	1000

Мой приятель Сергей, который работал доцентом в тогдашнем Ленинградском кораблестроительном институте, недавно рассказал мне о том, что на традиционном открытом заседании Ученого совета перед началом 1987/1988 учебного года проректор института по научной работе профессор Н. П. Шаманов в своем кратком выступлении упомянул, в частности, о повсеместно образовавшихся тогда центрах Научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Он заметил, что, по его мнению, эти центры представляют собой не что иное, как механизмы по удобной трансформации безличных средств в наличные. Таким образом, мы, технари, за плечами которых был только небольшой курс политэкономии социализма, сразу поняли, что горбачевские экономические нововведения фактически приведут к гиперинфляции, а наша верхушка, включая профессионалов-экономистов, эту элементарную истину не понимала. Или понимала, но действовала преднамеренно, толкая СССР в экономическую пропасть?

* * *

Известие о том, что Ельцина сняли с должности Первого секретаря МГК КПСС, застало меня в Москве; я был в командировке в учреждении, которое ныне называется «Исследовательский центр им. М. В. Келдыша». Горжусь тем, что на протяжении многих лет мы проводили совместные исследования с этим легендарным предприятием, в котором работают высококвалифицированные специалисты. В частности, все сотрудники лаборатории, с которой сотрудничал наш отдел, были выпускниками МФТИ. На территории предприятия стоит памятник — легендарная установка залпового огня «Катюша», которая была разработана в 1930—1940-х годах именно здесь.

Вечером за ужином Георгий Васильевич, отец моей жены Гали, доктор ветеринарных наук, вступивший в КПСС на фронте, сказал примерно следующее: «Балаболка этот Ельцин: суетился много, а дело свое делал плохо. Правильно сделали, что сняли». О Ельцине в то время я ничего не знал, и мнение тестя, москвича, мне было очень интересно. Уже третье десятилетие я постоянно вспоминаю эти мудрые слова тестя. Говоря о первом президенте России, хочу процитировать характеристику, которую в своей книге приводит В. Г. Захаров: «...определяющее качество Ельцина — страсть к разрушению: разрушению порядка, сложившейся системы управления, организации, подбора кадров и т. д. Он не созидатель, он — разрушитель! Это я впервые почувствовал, когда работал с ним в Московском горкоме... Его стихия — разрушение, критика, разнос, здесь он в своей среде; он даже как-то внешне оживляется, воодушевляется. Созидание для него неинтересно и даже скучно. В полной мере это проявилось, когда Б. Ельцин был избран президентом...»²

² Захаров В. Г. От Смольного до правительства СССР: записки министра культуры СССР. М., 2010.

* * *

Я не политолог, но, по-моему, событием, которое сделало «перестройку» необратимой, стали погромы и убийства в Сумгаите в конце февраля 1988 года. Я с ужасом прочитал об этой трагедии в газетах. В то время МВД и КГБ были еще очень сильны, и, уверен, им не составляло труда предотвратить трагедию. Было очевидно, что с самого «верха» была дана команда «не вмешиваться». Уже третье десятилетие продолжается эта страшная цепочка: Сумгаит, Фергана, Таджикистан, Приднестровье... и Абхазия, Чечня, Буденновск, Москва, Волгодонск, «Норд-Ост», Беслан, Лыкошино, Москва, Волгоград. А все началось с преступного бездействия Горби в Сумгаите.

* * *

В ноябре 1989 года Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. В. Гидаспов и Объединенный фронт трудящихся Ленинграда организовали митинг в защиту социализма. Я знал о митинге — информацию о нем распространили СМИ; но, к своему стыду, на него не пошел — дескать, надо работать, а не тратить время попусту. Конечно, присутствие еще одного человека не сделало бы митинг более представительным. Но ведь таких, как я, пассивных людей, были в Ленинграде миллионы. И, прояви мы свой гражданский долг, возможно, история пошла бы по иному пути.

На митинге произносили жесткие речи, давали нелицеприятные оценки горбачевским нововведениям, разрушавшим СССР. Кстати, среди лозунгов митинга был и такой: «Долой кооперацию-спекуляцию». И тогда, и сейчас я абсолютно уверен в справедливости этого лозунга применительно к тем конкретным обстоятельствам. При фиксированных государственных ценах на сырье и товары, возможности продавать свой товар по рыночной цене и перекачки «безнала» в «нал» большинство кооператоров фактически являлись всего лишь спекулянтами. По сути дела, спекуляция и сейчас процветает в России: министерства, мэрии городов и госпредприятия на фиктивных конкурсах продают за копейки недвижимость, которую новый владелец (за его спиной стоят чиновники государственной структуры продавца) сразу же перепродает уже по рыночной цене, в десятки раз дороже. Но сейчас, хотя бы на бумаге, существуют законы, *препятствующие* подобной спекуляции. А в 1987—1991 годах законодательство фактически поощряло эту практику.

* * *

12 июня 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о суверенитете РСФСР. В газете я с ужасом прочел: «...устанавливается... верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории...» От кого господа Ельцин и К^о отгораживаются суверенитетом, спрашивал я себя: от моего товарища лазерщика Вадима, который родился в Эстонии в семье пограничника, закончил восьмилетку на Камчатке, среднюю школу во Львове, учился в МВТУ и осел в Киеве? от моего университетского друга Рашида — он родился в Пенджикенте, закончил ЛГУ и в 1990 году заведовал кафедрой в Самаркандском университете? А может быть, Ельцин и К^о отгородились суверенитетом от сестры моей мамы и ее сына Кости? Моя тетя

перед войной закончила в Ленинграде Педагогический институт, по распределению уехала в Хабаровск, вышла замуж за офицера ВМФ (он родом из Ростова). После 30 лет службы главы семьи на Дальнем Востоке мои родные в 1971-м обосновались в «солнечной Молдавии», в которой в 1990 году уже кипел псевдодемократический антисоветский шабаш.

Ответ для меня был очевиден: Ельцин и К° ради достижения собственных карьерных планов продолжали начатую Горби чудовищную практику по разрушению СССР, по созданию предпосылок для кровавых конфликтов и для экономической катастрофы.

* * *

Летом 1990 года в магазинах хозтоваров Ленинграда исчезли гвозди по госцене. Правда, появились «кооперативные» гвозди, которые по виду не отличались от обычных, но стоили в пять раз дороже. Я готовился к постройке домика в садоводстве «Химик», и гвозди мне были нужны. В июле мы всей семьей поехали отдыхать в пансионат на озере Валдай по льготной путевке, которую жена получила на работе. Как-то мы пошли посмотреть городок Валдай, рядом с которым располагался пансионат. Зашли в хозяйственный магазин. Я был удивлен и обрадован: в наличии были гвозди по госцене всех размеров. На почте купил три посылочных ящика, затем в магазине — 30 килограммов гвоздей и отправил посылки на свое имя в Ленинград. Стоимость ящиков и пересылки лишь незначительно повысила общую стоимость.

В августе 1990 года я был на конференции в Иркутске. В городском универмаге закупил и отправил домой посылку с носками, майками, извините, трусами, рубашками, брюками и ботинками, которые дома можно было купить или по госценам, отстояв громадную очередь, или без очереди — но по «кооперативным» ценам. В Иркутске эти товары продавались без очередей по государственным ценам. После этих двух поездок я хорошо понял, что в Ленинграде и Москве «эффективность» перевода «безнала» в «нал» была гораздо выше, чем вне столиц.

* * *

19 августа 1991 года по дороге на работу, в троллейбусе, я услышал, как пассажиры несколько раз упомянули фамилию Горбачева. В ГИПХ сразу же включил репродуктор и с радостью узнал о том, что власть находится в руках ГКЧП. Правда, когда вышел с работы, увидел, что ничего не изменилось: те же ларьки, кооператоры и сникерсы. 20 августа Собчак собрал на Дворцовой площади многолюдный митинг. В тот день в нашу комнату заглянула коллега по работе Сильва: «Саша, пошли на митинг!» Я заметил: «Ты понимаешь, что если Ельцин и К° окончательно придут к власти, то, вероятнее всего, мы с тобой станем безработными?» Сильва молча махнула рукой и вышла из комнаты. Замечу, что спустя три года ее из лаборатории уволили, поскольку она — добросовестный сотрудник, выпускник ЛГУ, кандидат химических наук в советские времена — при демократах стала появляться на работе только к обеду и работала спустя рукава. К тому времени платили нам уже очень мало. Но большинство сотрудников по многолетней привычке продолжали «пахать на всю катушку».

Узнав о митинге Собчака, я подошел к нашему парторгу (в июле 1991 года Ельцин подписал указ, согласно которому запрещалась деятельность пар-

тийных организаций и их комитетов на госпредприятиях, но я, естественно, знал, кто у нас парторг) и сказал ему, что если Б. В. Гидаспов будет собирать митинг в поддержку ГКЧП, то я на этот митинг обязательно пойду. Парторг грустно на меня посмотрел, тяжело вздохнул, ничего не сказал и вернулся в рабочую комнату. 21 августа члены ГКЧП были арестованы.

* * *

В ноябре 1991 года я был в командировке в Подмосковье, в НИИ Министерства обороны. Все сотрудники отдела, в который я приехал, надели погоны после окончания МВТУ. В НИИ была хорошая, но практически пустая столовая, в которой я обедал. Мои коллеги по отделу, офицеры, в обеденное время или продолжали работать, или играли в шахматы. Из отдельных реплик, которыми они обменивались, я понял, что офицеры экономили деньги: у всех семьи, а денежное довольствие с 1 апреля 1991 года повысилось незначительно. Это у ГИПХовцев были шальные премии, а у офицеров халява отсутствовала.

* * *

Ленинградцы-петербуржцы и гости города хорошо знают, что у нас в центре очень мало зелени. Каждое дерево на вес золота. Рядом с моим домом на набережной канала Грибоедова сразу после войны разбили небольшой сквер, в него приходили пенсионеры и мамы с детишками из ближайших домов. В 1995 году мы, жители, узнали, что на месте скверика будет построен особняк. В соседнем со сквериком доме находится одна из кафедр Института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта. По слухам, ее энергичный заведующий инициировал строительство особняка, часть помещений которого планировалось сдавать в аренду, а полученные деньги использовать для работы кафедры. Жители отреагировали мгновенно: коллективные письма с просьбой скверик сохранить и особняк не строить ушли сначала нашему депутату в Законодательном собрании С. Б. Тарасову, затем мэру Питера А. А. Собчаку и наконец Президенту России Б. Н. Ельцину. Все было напрасно, мы получали ответы, из которых было ясно: скверик уничтожат.

Мой старший товарищ и сосед по дому — участник войны, боевой летчик Виктор Михайлович решил, что сам пойдет к депутату. Он попросил меня напечатать и вместе с ним подписать письмо с просьбой сохранить скверик. Я пытался объяснить своему другу, что мы, жители, — не более чем пешки для тех, кто «наверху», мы для них, извините, быдло; все уже решено, и будет только потеряно время. В. М. ответил, что если бы с подобным настроением он летал в бой во время войны, то его наверняка вскоре сбили бы. Бороться надо до конца!

В назначенный день мы пришли в Мариинский Дворец. Депутат, с хорошо скрываемым выражением равнодушия на лице, выслушал сбивчивый монолог моего друга, забрал письмо и сказал, что постарается помочь. Неделю через три Виктору Михайловичу пришел ответ, в котором говорилось, что злосчастный особнячок все-таки будет построен. Депутат жителям не помог! Возвели строение чрезвычайно быстро. С тех пор почти 20 лет мы с любопытством наблюдаем, как периодически на особнячке меняются вывески: банк, страховое общество и т. п. Мы не знаем, кто был инвестором строительства и кто владеет зданием сейчас. Мы — быдло. Перефразируя

слова одного из героев «Ревизора», уместно сказать: «Оно, конечно, российский профессиональный спорт должен процветать, но зачем же скверики уничтожать? От этого убыток здоровью окрестных жителей».

Я, естественно, знаю, что С. Б. Тарасов погиб в 2009 году при подрыве «Невского экспресса», и что существует переведенное с латыни выражение «О мертвых — или хорошо, или ничего». Но это выражение безусловно к политикам не относится. К примеру, мои оппоненты в России за последние 25 лет многократно крайне негативно отзывались об основателе Советского государства В. И. Ленине, к которому я отношусь с огромным уважением. Вот и я позволил себе сказать о политике С. Б. Тарасове то, что я о нем думаю.

Замечу, что в то время, когда Ленинградом руководили В. С. Толстикова и Г. В. Романов, впервые прошел комплексный капитальный ремонт целого квартала в центре, рядом с кинотеатром «Рекорд» (1970—1973 годы). Несколько зданий внутри квартала были разобраны, в результате чего исчезли «дворы-колодцы», но появилась зелень. При коммунистах скверики в центре города появлялись, при демократах — они исчезают...

* * *

Естественным итогом бездарной экономической политики Ельцина — Гайдара — Черномырдина — Кириенко явился августовский дефолт 1998 года. Те, у кого были хоть какие-то сбережения, ринулись в магазины закупать продукты. В сентябре я уехал работать в Лиссабонский технологический университет. В один из первых дней после приезда мы обедали вместе с моим шефом, профессором Руи Виларом — не только известнейшим ученым в своей области, но и очень эрудированным человеком. Он спросил меня: «Александр! Почему на выборах президента России в 1996 года Горби, известный во всем мире демократ и лауреат Нобелевской премии мира, набрал всего 1 процент голосов?» Я рассказал о моем отношении к Горби и заметил, что, как мне кажется, мои взгляды в отношении бывшего генсека ЦК КПСС разделяет достаточно большое число россиян. Вилар деликатно сменил тему беседы. Под его руководством я проработал 14 лет, мы регулярно вместе обедали, но к разговорам о Горби он больше не возвращался.

В 1999 году в нашу лабораторию на стажировку приехал профессор Гаванского университета, звали его Херман. Обычно мы раз в день спускались в институтский кафетерий и дружески болтали. Херман прекрасно знал русский язык: в 1970-х годах предполагалось, что он поедет в аспирантуру в Москву; поездка не состоялась, но знание русского и любовь к исчезнувшему СССР Херман сохранил на всю жизнь. После нескольких совместных кофепитий Херман понял, каких примерно взглядов на события последних 15 лет в СССР и России я придерживаюсь, и спросил: «Саша, объясни: почему ты и такие же, как ты, нормальные советские люди, когда вы поняли, что из себя представляет Горби, его не...?» Херман оборвал вопрос на полуслове и сделал руками движение, которым обычно выжимают мокрую простыню. Я развел руками. Ответить мне было нечего.

* * *

В 2001 году я приехал домой в очередной отпуск. Собрались друзья. Как обычно после 1985 года, разговор зашел о политике. Я, в частности, в очередной раз высказал свое отношение к «перестройке» и дикому российско-

му капитализму. Моя одноклассница очень эмоционально заметила: «Саша! Как ты можешь так говорить! Работаешь в Западной Европе, пол-Европы объездил бесплатно, участвуя в работе конференций! На многих конференциях был с женой! Что тебе еще нужно?!» Я ответил, что готов в любой момент вернуться в СССР образца 1984 года. Пусть вернется для меня запрет на выезд за границу, колбаса по 2 рубля 20 копеек и мясо с костями. Это — на одной чаше весов. А что на другой? Бесплатное здравоохранение, очень хорошее среднее и высшее образование, интереснейшая работа в ГИПХ, нормальная пенсия, отсутствие громадной пропасти между богатыми и бедными, отсутствие межнациональных конфликтов, возможность без проблем путешествовать от Бреста до Камчатки и от Мурманска до Душанбе, постепенный, но заметный рост зарплат, стабильность и предсказуемость жизни и многое другое. После этой словесной перепалки моя одноклассница и я, естественно, остались каждый при своем мнении.

* * *

Весной 2001 года Россия затопила в Тихом океане запущенную в 1986 году долговременную орбитальную многомодульную космическую станцию «Мир». Причина якобы состояла в изношенности станции и отсутствии средств для ее дальнейшей эксплуатации. Что касается изношенности — в СМИ неоднократно публиковались статьи авторитетных специалистов по ракетно-космической технике, в которых фактически опровергался этот аргумент. Что касается отсутствия средств — можно перечислить массу бессмысленных и затратных проектов, которые были реализованы у нас в начале 2000-х. Если верить публикациям в СМИ, громадный и бесценный опыт эксплуатации станции был фактически задаром преподнесен американцам. Уничтожение станции я воспринял, как убийство близкого друга. Ведь на протяжении 40 лет мой родной ГИПХ (с 1992 года — РНЦ «Прикладная химия») осуществляет химическое обеспечение всех космических объектов, в том числе космических пилотируемых программ. И станция «Мир» тоже была среди них. Была...

Осенью 2001 года мы с Галей были в Тулузе. Я пять дней участвовал в работе конференции, а жена знакомилась с достопримечательностями. В субботу мы пошли в Аэрокосмический музей и были потрясены и объемом экспозиции, и тем, с каким уважением представлены этапы советской космической программы. Самое сильное впечатление произвела экспозиция космической станции «Мир». Кроме базового модуля в музее представлены модули «Квант», «Квант-2» и «Кристалл». Экскурсовод сказал, что музей заказал модули на том самом московском предприятии, которое изготовило оригиналы. Из музея мы вышли подавленные. Было очень горько осознавать, что этот уникальный памятник советской науке и технике находится за 3 тысячи километров от Москвы. Между тем в Музее космонавтики в столице экспонируется только базовый модуль «Мира».

* * *

С моей точки зрения, многие депутаты Ленсовета, избранного весной 1990 года, являлись людьми амбициозными, но не слишком умными (впрочем, как водится, были и исключения: с огромным уважением отношусь, например, к депутатам В. Я. Ходыреву и Ю. К. Севенарду). Расскажу об одном

знакомом из состава Ленсовета-90: Иван (имя изменено) — друг моих одноклассников, в его биографии, по-моему, есть только один период нормальной работы: первые три года после окончания вуза он действительно занимался делом. Все последующие годы этот человек «трудился» (как тихонько говорили мне наши общие друзья) по принципу «где бы ни работать — лишь бы работать поменьше».

С 1988 года я регулярно видел Ваню на экране: он стал непременным участником модных в то время тусовок-дискуссий на Ленинградском ТВ. Говорил он гладко и естественно — в духе времени: как либерал и демократ. Было очевидно, что Ваня пытается пробиться «наверх» на волне «гласности и общедемократических ценностей». Летом 1989 года, выходя из библиотеки Академии наук, я неожиданно его встретил и поинтересовался, что он делает на Васильевском в рабочее время (местом его работы был Торговый институт). Ваня улыбнулся: «Ты же понимаешь, Саша, что мне сейчас нужна работа, где можно поменьше работать, и я теперь — научный сотрудник в одной конторе поблизости...» С грустью замечу, что были в советские времена рабочие места, где действительно можно было, не особенно трудясь, получать разумную зарплату. Мест таких было немного, и работать на такой работе нормальному человеку было скучно, — но места такие были.

В очередной раз я встретил Ваню в декабре 1989-го на дне рождения своего одноклассника. Разговор, естественно, зашел о событиях в стране и в частности — в Ленинграде. Выяснилось, что Ваня собирается баллотироваться в состав Ленсовета на ближайших выборах. Говоря о возможных перспективах, Ваня, в частности, сказал: «Если мы, не дай бог, придем к власти, то мы все развалим: мы ведь ничего не умеем!» Тем не менее он был избран. Констатирую, что свое обещание, данное в присутствии шести наших с ним общих друзей, он с «честью» выполнил. Проработал три года в Ленсовете, Петросовете, затем избирался..., назначался... и т. д. и т. п.

* * *

Когда 8 января 1992 года я вышел на работу, то узнал, что моя зарплата составляет тысячу рублей. На эти деньги можно было купить, например, 20 килограммов перемороженного мяса. России это мясо бесплатно поставляла, как гуманитарную помощь, Западная Европа со своих складов с запасами продовольствия на случай чрезвычайных ситуаций. Содержимое складов, как известно, надо раз в несколько лет менять... Семь лет я питался в основном кашей на сухом молоке и хлебом второго сорта. Примерно так же в те годы жили сотни тысяч петербуржцев. Обычные булочные еще не позакрывали, и очень часто я был участником такой сценки: ребенок или бабушка передо мной многократно пересчитывали деньги и отдавали их продавцу, с тревогой спрашивая: «На большой батон хватит?» Продавец отвечала: «Нет, только на маленький». У меня сжималось сердце. Я спрашивал продавца, сколько денег не хватает и, несмотря на собственную нищету, докладывал недостающую сумму. Я краснел от стыда, когда меня смущенно благодарили. Стыдно мне было не за себя, а за депутатов Законодательного собрания Питера и Государственной Думы, за руководителей города и страны, вследствие безграмотных действий которых была возможна такая сцена!

В сентябре 1992-го знакомые рассказали мне, что если на трамвае доехать до улицы Шаврова и пройти пару километров на север, то выйдешь к полям

совхоза «Бугры», на которых растет свекла. Ее охраняют, но, если прийти вечером, можно насобирать рюкзак. Несколько раз я туда ездил. Так я стал вором. Зато весь сентябрь мы ели винегрет, основную часть урожая законсервировали и всю зиму варили борщи. В течение семи лет я несколько раз подавал проекты на конкурсы в РФФИ и в ИНТАС, но ни разу не выиграл.

* * *

Моих хороших питерских знакомых — Нину, Владимира и Прасковью Павловну — ограбили и избили в подъезде собственного дома; все эти случаи произошли в 1994—1997 годах. Они долго лечились. В мае 1994-го я после работы зашел в магазин на улице Блохина купить подсолнечное масло. Когда я вышел, бандит приставил нож к боку и потребовал отдать деньги. Я побежал в сторону Кронверкского проспекта, а бандит не стал преследовать — на проспекте было многолюдно. Дома, когда я анализировал, почему бандит выбрал именно меня, вспомнил, что, когда в магазине платил за масло купюрой в 50 тысяч тогдашних рублей, которую мне только что выдали на работе в качестве аванса, рядом стоял маленький мальчик. Именно этот мальчик шел рядом с бандитом во время попытки грабежа.

30 декабря 1998 года мой тесть возвращался из сберкассы с пенсией. В подъезде дома деньги у него отняли и смертельно избили. Случилось это в 600 метрах от ФИАН. Георгия Васильевича отвезли в больницу в реанимацию, 7 января он скончался. Убийцу, естественно, не нашли. Такое, конечно, могло случиться и перед приходом Горби—Ельцина к власти, но вероятность была в несколько раз меньше. Георгий Васильевич прошел с боями от Сталинграда до Берлина, но убит был только спустя 53 года после окончания войны в центре столицы России.

* * *

Уверен, что реформировать социализм в СССР было необходимо. Как? Видимо, путем хорошо продуманного, неспешного ввода элементов рынка, но не за счет потери социальных достижений трудящихся. Не сомневаюсь, что такой путь был возможен. В качестве примера могу привести Китай, который таким путем и пошел, и где компартия уже 36 лет успешно строит экономику, сочетающую план и рынок. Сам я с сожалением констатирую, что во времена социализма оставался в стороне от политики и не выступил в защиту социализма даже после 1985 года.

«Что имеем — не храним, потерявши — плачем». ◆

*Ленинград — Санкт-Петербург — Лиссабон — Москва,
1987—2014 годы*